ОДИССЕИ ЛИОНСКОГО БАЛЕТА

24.11.98
Независимая газета. — 1998. — 24 нояб. — с. 7

Человек, который из слабого театра сделал первоклассную труппу

Виолетта Майниеце

Йоргос Лукос — явление уникальное в мире танцевального искусства. Грек по рождению, француз по воспитанию, гражданин мира в душе. Свыше десяти лет этот умный и дальновидный «капитан», подобно Одиссею, уверенной рукой смело прокладывает курс балета Лионской оперы в бурном море современной хореографии. Его команда всюду побывала, недавно она наконец-то прибыла и в Москву. Привезла великолепный дар – «Золушку» в постановке Маги Марэн. И опыт успешной работы с коллективом, который усилиями Лукоса стал одним из самых интересных в Европе.

– ЙОРГОС, почему вы решили заняться классическим танцем? Хотя ваши предки отчасти и выходцы из России, вы-то родились в Афинах. А Афины, как известно, далеко не самый балетный город мира...

– Почему же не балетный? В Афинах и раньше выступало огромное количество трупп, в том числе русских. К тому же Греция всегда обожала Россию. Русские, как и греки, – православные. А во времена турецкого господства они смотрели на Россию как на своего духовного брата. Стоит ли поражаться тому, что грек увлекся русским классическим балетом?! Теперь у нас есть и несколько современных трупп. Но тогда не было...

– И все-таки вы обучались танцу не в Греции...

– Во Франции, на родине балета. Но сперва занимался у русских. Среди моих педагогов – Борис Князев. Потом – Раймон Франкетти из Парижской оперы. Но это были частные занятия. Я даже и не помышлял о таких известных школах, как школа Большого или Парижской оперы. Туда трудно поступить.

– Как складывалась при таком «стихийном обучении» ваша профессиональная карьера?

– Честно говоря, бурно и противоречиво. Как все помешанные на балете, я мечтал стать великим классическим танцовщиком. Куда там! Пришлось начинать с подтанцовок на телевидении. Потом мюзик-холл – «Казино де Пари». Но это было золотое время. Тогда там балетмейстером работал Ролан Пети. Какие «шармантные» номера он сочинял для «Казино де Пари», в частности для своей жены – танцовщицы и певицы, знаменитой Зизи Жанмер! Какие костюмы! Какая музыка! Ее для нас писали Мишель Легран и Серж Генсбур. После мюзик-холла я на время обосновался в маленькой экспериментальной труппе «Театр Тишины». Нас было всего 12 человек. Но хореографию ставили именитые мастера. Даже сам Морис Бежар позволил нам танцевать свою «Жар-птицу» и еще пару вещей. Уроки давала Брижитт Лефевр – нынешний руководитель балета Парижской оперы. Часто выступали и звезды этой прославленной труппы, имена которых всем известны – Вильфрид Пиоле, Жан Гизерикс, Микаэль Денар... Так продолжалось два года. Потом меня обуяла страсть по классике, и я отправился в Цюрихскую оперу, где был солидный классический репертуар: «Лебединое озеро», «Жизель», «Тщетная предосторожность». Участвовал также в оперном фестивале в Байрёйте, где танцы в «Тангейзере» Вагнера поставил Джон Ноймайер. Затем снова Франция, снова Ролан Пети, который к этому времени уже основал Марсельский балет, где поставил свою версию «Коппелии».

– Это одна из самых «стильных» редакций, в которой в партии Коппелиуса блистал сам Ролан Пети...

– «Коппелия» действительно великолепна. Там же он создал «Гибель розы» для Майи Плисецкой. Следом – балет о Маяковском, «Арлезианку». Восстановил свою «Кармен». Возобновил знаменитый «Собор Парижской Богоматери». Кстати, еще в 70-е годы марсельцы привозили часть репертуара на гастроли в Москву. В этой труппе я протанцевал до 1979 года. Постепенно втянулся в репетиторство. Потом, когда к нам прибыл Миша Барышников, готовил с ним «Пиковую даму», разучивал балет «Юноша и смерть», который он впоследствии танцевал в Американ Балле Тиэтр. Короче, я проработал репетитором у Ролана до 1983 года. Труппу покинул по собственному желанию после наших гастролей в США.

Тогда мы выступали в Метрополитен-Опера, где Рудольф Нуреев станцевал с нами Квазимодо в «Соборе Парижской Богоматери». Эту партию он также приготовил со мной. Тут я познакомился и с Бобом Уилсоном, в качестве ассистента которого и прибыл в Лион. Мне предложили репетировать с лионским балетом, репертуар которого был более чем скромным. Всего несколько неоклассических спектаклей! Слабая труппа! Я решил все изменить. Сначала пригласил Маги Марэн для постановки «Золушки». Следом Иржи Килиана. На одной из первых встреч Килиан меня спросил впрямую: «Зачем я тебе нужен? Ведь ты говоришь, что у тебя нет ни денег, ни хороших танцовщиков. Вдобавок они не любят работать». Тем не менее я уломал его, так в Лионе появился знаменитый балет «Потонувший собор». Затем я заманил в Лион Уильяма Форсайта, Матса Эка. Мы добились определенного успеха. По собственной инициативе к нам стали перебегать хорошие исполнители. Сегодня Лион имеет труппу европейского уровня, которая разъезжает по всему миру – по 4–5 месяцев в сезон. Каждый год выступаем в США. В прошлом сезоне побывали в Австралии и Новой Зеландии. В марте–апреле этого года месяц выступали в Китае, месяц – в Японии. Кроме того, у нас в течение сезона семь премьер на стационаре. Ведь публика охотно посещает новые постановки вне зависимости от того, какой танец в них преобладает – классический или современный.

– А как воспринимает рядовой зритель ваши экспериментальные постановки, каковых немало в репертуаре балета Лионской оперы?

– Лионская публика очень образованная. Балетная жизнь Лиона напоминает водоворот. В городе проводится огромное количество танцевальных мероприятий. Ведь, помимо Лионской оперы, существует еще один театр, так называемый Дом танца. Тут идут только хореографические спектакли. В течение одной недели можно посмотреть как минимум две труппы. Нас посещают и большие, и совсем крохотные коллективы. Недавно выступала Парижская опера. Перед ней – Национальный балет Кубы. И так круглый год. Кроме того, мы каждый сезон приглашаем в Лионскую оперу и одну из крупнейших трупп мира. В прошлом году это был Нидерландский театр танца.

Иногда возобновляем старые спектакли. По возвращении из Москвы мы поработаем над «Ромео и Джульеттой» в редакции Анжелена Прельжокажа. Сами понимаете, как много видят лионцы.

– Прекрасно! Но это очень дорогостоящие проекты. Кто вас так щедро финансирует?

– Лионская опера на 70% финансируется из городского бюджета. Остальные 30% – дотации государства, района, департамента.

– Пользуются ли популярностью балетные постановки Лионской оперы? Проходят ли они с аншлагами?

– Да! Конечно, и у нас бывают неудачи, бывают «проколы». Но лионская публика сама стремится разобраться во всем, что происходит, не очень-то полагаясь на оценку со стороны критики, как это принято в США. Там от отзывов прессы порой зависит успех или провал любого спектакля. Когда в 1986 году мы впервые показали в Нью-Йорке нашу «Золушку», ведущий критик «Нью-Йорк таймс» Анна Киссельгоф написала: «Этот спектакль – главное событие нью-йоркского сезона». И этого было предостаточно, чтобы публика тут же повалила в театр, чтобы посмотреть «гвоздь сезона». Мы стали знаменитостями – теперь нас приглашают каждый год. Следом за Марэн мы открыли для американской публики и Уильяма Форсайта, которого она до того просто не знала.

– В Нью-Йорке не знали Форсайта?!

– Не знали. Ведь в те годы он еще не руководил балетной труппой во Франкурте-на-Майне. В США видели только его «Песни любви», поставленные для труппы «Джоффри Балле». Такая «пропаганда» всего лучшего в мировой

Йоргос Лукос.
Фото Владимира Луповского

хореографии – наш принцип. Лионская труппа – репертуарный театр. Я возглавляю ее, но сам ничего не ставлю. Зато постоянно приглашаю других...

– Каковы ваши критерии при подборе хореографов и исполнителей?

– Я сам их отбираю по своему усмотрению. Все время путешествую, смотрю около 200 чужих спектаклей в год. Так, из Москвы я умчался в Стокгольм на «Иоанну» Матса Эка. Опять вернулся в Москву. Потом полечу в Париж, чтобы увидеть одну из парижских новинок... Короче, если мне что-то нравится, то говорю хореографу: «Приезжай к нам в Лион на постановку!» В большинстве случаев они соглашаются. Но я понимаю, что далеко не все подходит для моей труппы. Очень хотелось бы иметь в репертуаре одну-две вещи Марты Грехэм. Но это невозможно, так как пришлось бы на многие месяцы остановить налаженный рабочий ритм, чтобы досконально изучить ее технику. Обожаю Баланчина, но знаю, что это невыигрышный для нас репертуар. Надо трезво оценивать свои возможности! При подборе танцовщиков отказался от конкурсных просмотров. От них мало толку. Люди дико нервничают, зажаты. Поступаю иначе. Прошу претендента поработать неделю-другую с нами, порепетировать. В моей труппе всего 32 артиста. А список желающих поступить в нее гораздо больше. Одни стремятся к нам потому, что мы много гастролируем. Другим нравится жить в Лионе. К тому же наша молодежь «всеядна» – хочет танцевать разный репертуар. Я им предоставляю такую возможность. Кого-то нахожу во время танцевального фестиваля в Каннах, директором которого являюсь. Там, как правило, выступают небольшие труппы. Если мне нравится, приглашаю их в Лион.

– Как в любой труппе, у вас есть ежедневные классические уроки. Но существуют ли специальные занятия современным танцем?

– Нет. Уроков модерна нет. Одна из особенностей нашей труппы в том, что все наши танцовщики имеют классическое образование. Часто очень солидное – многие окончили школу Парижской оперы. А танцуют по преимуществу современный репертуар. Постоянно сталкиваясь с выдающимися хореографами, танцовщики осваивают современную технику. А если у тебя хорошая классическая подготовка и ты любознателен и открыт всему новому, тогда учиться радостно и легко.

– Сейчас во Франции в области культуры наметились определенные антиамериканские настроения. Тем не менее вы бесконечно приглашаете в Лион американских хореографов, в частности таких неоднозначных, как Билл Т.Джонс. Ведь именно после скандала в США, связанного с его балетом о жертвах СПИДа, он переехал во Францию...

– Именно! Когда я пригласил его в 1990-м, это был почти политический акт. До его появления никто не задумывался над тем, как трудно быть артистом в США. Там фактически нет министерства культуры, нет государственных дотаций. Артисты сами должны добывать деньги. У многих из них есть новые идеи, заманчивые проекты. Но в Америке они не осуществимы. Таких я и стараюсь пригласить в Лион. Только благодаря Европе многие американцы стали знаменитостями. После успеха во Франции их соотечественники по достоинству оценили Филиппа Гласса, Боба Уилсона, Мерса Каннингэма, Тришу Браун, Джона Кейджа, Каролин Карлсон. Для меня не важна национальность хореографа. Значение имеют только его способности, степень таланта. Кто только у нас не ставил – японцы, немцы, англичане!

– Знаю, что вы окончили философский факультет. Помогает ли такое образование уверенно ориентироваться в мире современного танца, где многое основано на философских концепциях и идеях?

– Для меня философия – неотъемлемая часть общей культуры. Она расширяет горизонт, позволяет лучше понять мир. Заставляет все время учиться. Толкает меня на познание чего-то нового в области театра, музыки, культуры вообще.

– Каковы последние новинки лионского балета?

– У нас около 30 новых постановок. Хореографы, которых я упоминал в разговоре с вами, формируют вкусы и культуру нашего времени. Их нельзя игнорировать. Но вместе с тем надо уважать и прошлое. Некоторые утверждают, что современный танец – не для вашего Большого театра. Я не понимаю такой позиции. Когда-то и у нас в Греции возражали против показа на античной сцене представлений японского театра Кабуки. Мол, это священное место предназначено только для греческих трагедий и комедий. Я же уверен, что и Аристофан, и Софокл одобрили бы такую идею. Ведь подлинное произведение искусства уместно на любой сцене. И на сцене Большого тоже. ■